

наук. ред. В.О. Кононенко. К.: ДЗ «НПБ України», 2011.

7. Слобожанська яса: Антологія громадянської лірики кінця XVII – початку XXI століття / Упоряд. та ред. В. С. Бойка, передмова Л. В. Ушкалова. Х.: Майдан, 2006.

8. Тарнашинська Л. Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління (історико-літературний та поетикальний аспект). К.: Смолоскип, 2010.

* * *

1. Dzjuba I. Zabuti – poruch (Pro shhe odnogo «shistdesjatnika») // Mamajsur B. Drugij pochatok. K.: Sfera, 1997.

2. Kas'janov G. Nezhodni: ukraїns'ka intelirencija v rusi oporu 1960–1980h rokiv. K.: Libid', 1995.

3. Literaturoznavcha enciklopedija: u 2 t. / avt.-uklad. Ju. I. Kovaliv. K.: Akademija, 2007. T. 2.

4. Mamajsur B. Drugij pochatok. K.: Sfera, 1997.

5. Machkivs'kij M. Zgadajmo vsih – poimanno // Lit. Ukraїna. 2008. 20 listop. S. 5.

6. Plejada neskorenih: Alla Gors'ka, Opanas Zalizava, Viktor Zarec'kij, Galina Sevrjuk, Ljudmila Semikina: biobibliogr. naris / avt. narisu L.B. Tarnashins'ka; uporjad. M.A. Luk'janenko; nauk. red. V.O. Kononenko. K.: DZ «NPB Ukraїni», 2011.

7. Slobozhans'ka jasa: Antologija gromadjans'koї liriki kincja HVII – pochatku XXI stolittja / Uporjad. ta red. V. S. Bojka, predmova L. V. Ushkalova. H.: Majdan, 2006.

8. Tarnashins'ka L. Ukraїns'ke shistdesjatnictvo: profілі na tli pokolinnja (istoriko-literaturnij ta poetikal'nij aspekt). K.: Smoloskip, 2010.

The poetic heritage of Boris Mamajsur in the context of the «quiet lyrics» of the Ukrainian sixties

The article reveals the features of the “quiet lyricism” as an artistic and aesthetic literary phenomenon of the Ukrainian sixties. The authors analyze the literary heritage of the Ukrainian poet Boris Mamajsur. The attention is focused on the main themes, the motives of his lyrics, his poetic “handwriting”, and the artistic and stylistic features of his works.

Key words: “quiet lyrics”, the sixties, philosophical motives, love, nature, artistic and poetic techniques.

(Статья поступила в редакцию 19.07.2018)

І.В. ВЕРШИНІН, Е.А. ЧИВИЛЬГІНА
(Самара)

«ЗЕМЛЯ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ» СОМЕРСЕТА МОЭМА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАВЕЛОГ

Анализируются стилевые и жанровые особенности произведения У.С. Моэма «Земля Пресвятой Девы: Зарисовки и впечатления в Андалузии» (“The Land of the Blessed Virgin: Sketches and Impressions in Andalusia”), которое авторы публикации относят к жанру литературного травелога, опираясь на опыт исследований отечественных и зарубежных литературоведов.

Ключевые слова: *Сомерсет Моэм, травелог, литературный жанр, путевой очерк, жанровая неоднородность.*

Британский писатель Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) известен как неутомимый путешественник, посетивший немало стран Европы и Азии. Впечатления, полученные им во время странствий, легли в основу его романов и «экзотической» малой прозы, а также ряда произведений с документальной основой – литературных травелогов (так называемых книг путешествий).

Очевидно, что «книга путешествий» – чрезмерно широкое понятие. На протяжении долгих лет исследователи пытаются внести ясность и стройность в систему литературных жанров, повествующих о приключениях рассказчика в незнакомых ему землях. В англоязычных странах сложилась следующая классификация fiction и non-fiction литературы о путешествиях: в нее включают широкий пласт приключенческой литературы (adventure literature) [11], не относящейся к документалистике, а также путевые журналы (travel journals), письма (letters) и любые документы, содержащие информацию о том, кто, куда, зачем, с какой целью и на чем добирался [9, p. 82], путеводители и гиды для путешественников (travel guides), nature writings (зарисовки и эссе о природе, которые могут быть представлены как в прозаической, так и поэтической форме), путевые очерки (traveller’s essays), мемуары и книги путешествий (travel books, travelogues) [6, p. 13]. Отечественная исследовательница Л.О. Терновая относит к жанру травелога весь спектр текстов (как жур-

налистских, так и литературных), где сообщалось о путешествиях: отчеты об экспедициях, приключенческую и фантастическую художественную литературу [5]. А.А. Майга уточняет, что травелог – это комплексный жанр, находящийся на пересечении нескольких литературных жанров. Основной его чертой, по мнению литературоведа, является «стремление к достоверному изображению “чужого” мира, пропущенного через восприятие путешественника» [2, с. 258], т. е. наличие авторской рефлексии по отношению к пережитому в пути. Тем не менее Н.А. Никитина и Н.А. Гулякова пишут, что существуют два типа травелога: «просветительский» (сообщающий читателю правдивую информацию о мире) и «сентиментальный» (сосредоточенный на эмоциях повествователя в ходе путешествия). Исследовательницы также отмечают, что из-за необычайной гибкости жанра травелога к нему можно отнести весьма обширный ряд разнородных текстов. Основными особенностями травелога они считают «я-повествование», т. е. то, что в произведении обязательно присутствует рассказчик-путешественник, и продиктованные реальностью пространственно-временные рамки повествования, в которых, однако, одним хронотопам уделяется больше внимания, чем другим [4].

Первой из документальных «книг путешествий» Моэма стала “The Land of the Blessed Virgin: Sketches and Impressions in Andalusia” («Земля Пресвятой Девы: Зарисовки и впечатления в Андалузии», 1905). Т. Морган в биографии писателя указывает, что тот написал ее еще в 1888–1899 гг., когда жил в Севилье [3, с. 92]. У книги была непростая судьба: ее не удалось опубликовать в журналах по частям, и Моэм, полностью ее переработав (для этого в апреле 1903 г. ему пришлось предпринять еще одну поездку в Испанию), смог добиться ее выхода в печати лишь в 1905 г. Критики отнеслись к «Земле Пресвятой Девы» с прохладцей; единственная положительная, хоть и очень короткая рецензия принадлежала Вирджинии Вульф (тогда еще Вирджинии Стивен). Она указала на то, что элементы личного в книге превалируют над фактами, но также отметила, что автор обрабатывает информацию о стране аккуратно и тщательно [12, р. 41].

Точную жанровую природу «Земли Пресвятой Девы» определить непросто. Отечественный биограф Моэма А.Я. Ливергант отмечает, что это сборник «путевых очерков» [1, с. 264]. Тем не менее в названии произведения Моэм оговаривает, что речь пойдет о зарисовках или миниатюрах (sketches) и о впечатле-

ниях (impressions). Это дает читателю понять, что повествование предполагается отрывочное, в чем-то не завершенное, дающее беглое представление о самых ярких моментах путешествия. Общий тон повествования выглядит в книге более восторженным, чем тот, что задается в последующих работах. Моэм на этом этапе жизни уделяет больше внимания тому, что популярно и неоднократно воспето до него, чем тому, что уникально в своем бытовом аспекте, в ежедневной повторяемости: он пишет про бои быков, испанские танцы и известные на весь мир соборы, упуская при этом из виду более тонкие детали, формирующие национальный колорит.

Упоминание Мадонны не зря вынесено в название сборника – ей, как и в целом различным аспектам веры и религии в Испании, отводится в травелоге значительное место. Моэм не забывает о Богоматери, даже когда основное место в фокусе его повествования на краткий миг занимает кто-либо другой – например, замеченный писателем среди олив свинопас: *He was born and grew to manhood and tended his wine, and some day he would marry and beget children, and at length die and return to the Mother of all things* [8] («Он родился, возмужал и заботился о своей свинье, однажды он поженится, станет отцом, в конце концов умрет и вернется к Матери всего живого» (здесь и далее перевод наш. – И.В., Е.Ч.)).

Моэм ассоциирует Андалузию с образом Богоматери, но не только потому, что это очень набожный, чтящий святыни регион, а в силу его плодородия, крепкой связи между людьми и землей. Религиозные мотивы встречаются и в обширных восторженных описаниях, но подчас в довольно причудливой форме. Описывая закат в зарисовке “The Swineherd” («Свинопас»), Моэм пишет: *But the sun fell gold and red, and the rift in the clouds was a kingdom of gorgeous light; the earth and its petty inhabitants died away, and in the crimson flame I could almost see Lucifer standing in his glory, god-like and young; Lucifer in all majesty, surrounded by his court of archangels, Belzebub, Belial, Moloch, Abaddon* [Ibid.] («Но солнце садилось, золотое и алое, и просвет между облаками был царством яркого света; земля и все ее ничтожные обитатели сгинули, и в багровом пламени я практически видел в нем Люцифера, стоящего во всем своем великолепии, богоподобного и юного; Люцифера величественного, окруженного группой верных ему архангелов – Вельзевулом, Белиалом, Молохом, Абаддоном»). Клонящееся к горизонту испанское солнце оставляет в душе Моэма та-

кое сильное впечатление, что он видит в нем проявление Люцифера – но не того Люцифера, который отрекся от Бога и являет собой Зло, а того, который еще не оставил Его и несет в себе огонь жизни. Тем не менее читателю известна история самого яркого из ангелов, и это поселяет в его душе смутное беспокойство, напоминая о том, что история Андалузии полна достаточно мрачных страниц.

Образу Испании в «Земле Пресвятой Девы» неизменно сопутствует мотив солнца, а Англии, в противовес этому, – мотив дождя. Моэм нередко сталкивает эти два места, показывая, насколько каждое из них отличается от другого: *But I love also there collection of Seville in the grey days of December, when the failing rain offered a grateful contrast to the unvarying sunshine* [8] («Но я также люблю воспоминания о Севилье серыми декабрьскими днями, когда льющий дождь представляет приятный контраст неизменно пекущему солнцу»).

Писателя умиляют наивность и необразованность населения испанских провинциальных поселений: *How curious was the life he led! I suppose he had never travelled further than his native town; he could neither write nor read. Madrid to him was a city where the streets were paved with silver and the King's palace was of fine gold* [Ibid.] («Какой причудливой была жизнь, которую он вел! Я полагаю, он никогда не покидал пределы своего родного города; он не умел ни писать, ни читать. Мадрид для него был городом, где улицы вымощены серебром, а дворец Короля построен из чистого золота»).

В названиях «глав»-зарисовок встречаются указания на географические объекты (“Ronda”, “Cordova”), на персонажей (“Don Juan Tenorio”, “Boabdil The Unlucky”) и на конкретные места (“The Cathedral of Seville”, “The Hospital of Charity”). Встречаются и эссе общего содержания (“Characteristics”). В глаза бросается, что последовательность их нарочито хаотична: так, миниатюра о церквях Ронды предшествует зарисовке о самой Ронде – испанском городе, входящем в муниципалитет Андалузия. Заключительная зарисовка называется “Adios” (исп. «До свидания»): в ней Моэм прощается не только с гостеприимной солнечной страной, по которой он совершал литературное путешествие, но и со своими читателями.

В зарисовках, посвященных отдельным географическим областям, встречаются элементы исторической справки: *From the celebrated legend of Roderick the Goth to that last scene when Boabdil handed the keys of Granada to King Ferdinand, the history of the Moorish*

occupation reads far like romance than like so beract [8] («Начиная широко известной легендой о Родерике Готском и заканчивая той последней сценой, в которой Боабдил вручил ключ от Гранады королю Фердинанду, история мавританской оккупации читается скорее как рыцарский роман, нежели как серьезное дело»). Помимо этого, Моэм разнообразит текст заметками на тему искусства: он ведет разговор о творчестве Мурильо, добавляя в свободную эссеистскую форму вкрапления рецензии. Дополняют их литературные аллюзии: автор упоминает Дона Хосе и Кармен – персонажей новеллы «Кармен» Проспера Мериме, а в Кордове ведет речь о цикле сказок «Тысячи и одной ночи». Впоследствии он отточит такой способ подачи материала и вернется к нему спустя десятилетия, работая над сборником «Расеянные мысли».

Писатель использует и элементы портретного очерка: развернутые описания внешности персонажей и яркие художественные детали. Любопытно, что к этому методу Моэм также прибегает, говоря о статуях святых в соборах и капеллах Испании. Автор описывает их как живых людей, подчеркивая, что в этом выражается «пронзительный» реализм религиозного искусства Андалузии. Таково, например, словесное изображение Марии делос Долорес в Церкви святого Духа в Ронде: *Seven candles burned before her; and at vespers, when the church was nearly dark, they threw a cold, sharp light upon her countenance. Her eyes were in deep shadow, strangely mysterious, and they made the face, so small beneath the pompous crown, horribly life-like: you could not see the tears, but you felt they were eyes which would never cease from weeping* [Ibid.] («Перед ней горели семь свечей; и во время вечерней службы, когда церковь практически тонула во мраке, они отбрасывали холодные, резкие отсветы на ее лик. Ее глаза тонули в глубокой тени, необычайно таинственной, что делало ее лицо, такое маленькое по сравнению с пышно украшенной короной, чудовищно живым: возможно, вы не видели ее слез, но чувствовали, что эти глаза никогда не могли сдержать рыданий»).

Моэм открыто заявляет о своих эмоциях, связанных с религиозным искусством: он отмечает детальную проработку скульптур и ту атмосферу сакральности и таинства, которую они несут, но не приукрашивает своего впечатления от них. Они его пугают: *But the dead Christ was terrible* [Ibid.] («Но мертвый Иисус был ужасен»).

Говоря о «Земле Пресвятой Девы», невозможно не упомянуть обилие в тексте испан-

ских слов. Среди них встречаются имена святых (*Mater Dolorosa*, *Maria del Pilar*, *Maria delos Angeles*) и названия церквей (*Espirito Santo*), предметов одежды (*mantilla* – мантилья, национальная кружевная накидка) и элементов быта (*braserо* – обогреватель, который обычно ставили под стол; *patio* – небольшой круглый внутренний дворик), песен (*malaqueña* – мексиканская народная песня), названий газет (*Porvenir*) и даже заболеваний (*pulmonia* – пневмония). Моэм включает в текст даже фразы, услышанные им от местного населения: *Vaya Usted con Dios!* неоднократно повторяется в зарисовках, словно бы задавая ритм. С одной стороны, так Моэм пытается во всей полноте передать колорит окружающей его обстановки и подчеркнуть достоверность описываемого (или укрепить иллюзию «правдивости»), с другой – он будто вынужден постоянно напоминать своему читателю, что речь идет об Испании. Неудивительно, что в рецензии неизвестного автора под названием “Spain and the Spanish”, опубликованной в журнале “Athenaeum” в марте 1905 г., говорится: “The author is frankly in love with everything Spanish, except the cooking, and he writes his romantic recollections with a boyish enthusiasm that makes one forgive his gorgeous superlatives” [9, p. 39] («Автор, прямо скажем, влюблен во все испанское, за исключением кухни, и пишет свои романтические воспоминания с мальчишеским энтузиазмом, который заставит некоторых простить ему его вычурные гиперболы»). В последующих работах, так или иначе затрагивавших тему путешествий, Моэм не так активно использовал иностранные слова и экзотизмы.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что в «Земле Пресвятой Девы» повествование вкладывается в уста рассказчика, который активно рефлексировал над увиденным и услышанным во время своего странствия, что соответствует характеристике «я-повествования». Наблюдается и отмечаемая Н.А. Никитиной и Н.А. Туляковой как неотъемлемый элемент травелога «пространственно-временная дискретность» [4]: в Ронде максимум внимания писателя достается церквям, в Кордове – мосту через Гвадалквивир и мечети, вследствие чего другие любопытные места в этих городах теряются на их фоне. Сосредоточенность автора на посещении святынь реализует в тексте мотив паломничества – путешествия, обладающего сакральным значением и связанного с духовным постижением мира и самого себя. Тот факт, что Моэма интересуют не только христианские, но и мусульманские священ-

ные места, показывает его как космополита, «человека мира», и эта мысль лишь крепнет в свете созданного им впоследствии сборника коротких рассказов «Космополиты» (“Cosmopolitans”), увидевшего свет в 1936 г. [7]. В «Земле Пресвятой Девы» также присутствует и жанровая неоднородность, комплексность: в тексте встречаются элементы портретного очерка, исторической справки. Все это позволяет говорить о том, что «Землю Пресвятой Девы» Сомерсета Моэма можно отнести к жанру литературного травелога.

Список литературы

1. Ливергант А.Я. Сомерсет Моэм. М.: Мол. гвардия, 2012.
2. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3(37). С. 254–259.
3. Морган Т. Сомерсет Моэм: Биография. М.: Захаров, 2002.
4. Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб.: Астерион, 2013. Вып. 5. С. 132–138.
5. Терновая Л.О. Жизнь глазами путешественника // Гос. служба. 2011. № 5. С. 95–98.
6. Blanton C. Travel Writing: The Self and The World. NY, London: Routledge, 2002.
7. Maugham W.S. Cosmopolitans. London: Heron Books, 1970.
8. Maugham W.S. The Land of the Blessed Virgin. Sketches and Impressions in Andalusia. L.: William Heinemann, 1905 [Electronic resource]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/27252/27252-h/27252-h.htm> (дата обращения: 04.09.2018).
9. Phillips K.M. Travel, Writing and the Global Middle Age // Historic Compass, 2016. Vol. 14. № 3. P. 81–92.
10. Spain and the Spanish // W. Somerset Maugham. The Critical Heritage. N.Y., 1987.
11. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. XIV: The Victorian Age. P. 2. NY: Bartleby, 2000 [Electronic Resource]. URL: <http://www.bartleby.com/224/0701.html> (дата обращения: 04.09.2018).
12. Woolf V. Journeys in Spain // W. Somerset Maugham. The Critical Heritage. NY, 1987.

* * *

1. Livergant A.Ja. Somerset Mojem. M.: Mol. gvardija, 2012.
2. Majga A.A. Literaturnyj travelog: specifika zhanra // Filologija i kul'tura. 2014. № 3(37). S. 254–259.
3. Morgan T. Somerset Mojem: Biografija. M.: Zaharov, 2002.

4. Nikitina N.A., Tuljakova N.A. Zhanr traveloga: kognitivnaja model' // Homo Loquens: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. SPb.: Asterion, 2013. Vyp. 5. S. 132–138.

5. Ternovaja L.O. Zhizn' glazami puteshestvennika // Gos. sluzhba. 2011. № 5. S. 95–98.

*“The Land of the Blessed Virgin”
by Somerset Maugham as a literary
travelogue*

The article explores the stylistic and genre features of “Land of the Blessed Virgin; Sketches and impressions in Andalusia”, a work by W.S. Maugham. Based on the experience of research of domestic and foreign literary scholars, the authors define the genre of the work as “literary travelogue”.

Key words: Somerset Maugham, travelogue, literary genre, travel essay, genre heterogeneity.

(Статья поступила в редакцию 05.09.2018)

О.В. ФЕДОСОВА
(Волгоград)

**ОБРАЗ ДОН КИХОТА
В ИСПАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КАРТИНЕ МИРА**

Образ Дон Кихота рассматривается как исходная точка в русле изысканий испанских философов относительно национальной испанской идентичности. Сервантесу удалось воплотить в Дон Кихоте фундаментальные черты испанского национального характера и ментальности, а также отразить дуализм испанского национального сознания, воплощенный в двуедином образе, объединяющем двух персонажей романа – Дон Кихота и Санчо Пансу.

Ключевые слова: роман «Дон Кихот», творчество Сервантеса, испанская национальная картина мира, национальное испанское самосознание, национальная испанская ментальность.

Краеугольным компонентом любой национальной картины мира являются базовые представления нации о собственной идентичности. Наличие данного компонента как раз и

свидетельствует о сформированности национального самосознания, поскольку отражает результат коллективного осознания народом (группой народностей) себя как нации, отличной от других известных им народов или наций не только по признакам территориальности, языковой, религиозной и исторической общности, но также по целому ряду ментальных особенностей, в основе которых лежат базовые ценности, определяющие стереотипные реакции, поведение и отношение к миру.

Осмысление собственной идентичности, национального характера и ментальности – одно из важнейших направлений философской и литературно-художественной мысли. В Испании импульсом для развития этого направления стали окончание Реконквисты, колонизации земель Нового Света и стремительно последовавшая за ними деградация испанской империи. Именно этот исторический слом породил в Испании литературного гения, масштаб мысли которого перерос первоначальный замысел простой литературной пародии и поднялся до осмысления национальной испанской идентичности через постижение национальной ментальности и национального характера, заключающих в себе трагическую дуальность.

Творение Сервантеса, созданное на стыке XVI и XVII вв. (1-й том увидел свет в 1605 г., 2-й – в 1615 г.), где хронологически проходила граница окончания эпохи Возрождения, конечно, не было единственным на литературном небосклоне Испании того времени, где так или иначе затрагивались вопросы осмысления миссии испанской нации, ее идентичности и ментальности. Образ Испании, ее национальный дух и характер отражены в стихах и рукописях святой Тересы де Хесус, драмах Педро Кальдерона, поэзии Луиса де Гонгоры и Франсиско де Кеvedо, комедиях Лопе де Веги и Тирсо де Молины и многих других литературных источниках, созданных в хронологически близкий Сервантесу период, вошедший в историю испанской литературы как ее Золотой век. Но только гению Сервантеса удалось так глубоко проникнуть в суть национального испанского характера и ментальности и раскрыть их столь всесторонне, что до сегодняшнего дня он остается отправной точкой для размышлений о судьбах испанской нации, о ее прошлом, будущем и настоящем. Дон Кихот и сегодня в современной испанской публи-